02 1992

2 7 8

ТУ-19-241-82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

07—3—117

Л. ЗАВАДЬЕ
В средневековой школе
Художник К. БЕЗБОРОДОВ

Несладко жилось Паулю после смерти отца. Колотушки да попрёки. За обедом мачеха приговаривает: «Ишь, мал, как червяк, а до чего прожорлив!» А её родной сын добавляет: «Черви—они всегда прожорливы!»

Вырос Пауль в деревне, никогда не бывал в городе. Всё ему тут интересно. Вывеска: на ней три медведя нарисованы. А мачеха не даёт разглядеть. Тянет дальше.

Привела на школьный двор, что при церкви святого Кириака. Пошепталась с учителем и напоследок сказала: «Учиться будешь. Даст бог, на священника выучишься. Вспомни тогда мой даровой хлеб и заботы. А домой возвращаться не думай!»

Человек в рясе, сухой, длинный, с недовольным лицом — учитель Фузелин. Подвёл он к Паулю какого-то рыжего парня: «Вот, Йост, новенький у нас, Пауль Вурст. Пригляди, чтобы не потерялся».

Зашагал куда-то Фузелин, а за ним ученики и Йост с Паулем. Рассказывает Йост: «Отец мой, Конрад, держит мастерскую на улице Трёх медведей. Слышал про мыловара Конрада? Нет? Что ты за человек! Да моего отца каждый знает!»

Пришли к речке, где рос лозняк. Фузелин распорядился: «Побольше рвите лозы, чтобы до рождества хватило!» — «Йост, а зачем она, лоза-то?» — «Узнаешь, желторотик!»

—«Йост, а кто эти парни усатые? Тоже ученики?»—«Бродячие школяры они. Бродили по школам и к нам забрели. Лет по двадцать им. Этот Бенцо. Он весёлый. А тот Курт. От него подальше держись, не то «стрелком» тебя сделает».

Розгами запаслись — можно учение начинать. Сидит Пауль рядом с Йостом. Справа — старшие ученики. У них восковые таблички на коленях.

Что самое главное для доброго христианина? Самое главное—молитвы знать. А молитвы все на латинском языке. И книги на латыни. Без латыни—ни науки, ни церковного служения. Читает Фузелин слова святой молитвы, и все должны ему внимать и тихим голосом повторять...

«...Патер ностер ... санктифицетур номен туум ... сикут ин кёло эт ин терра»... («Отче наш ... да славится имя твое ... как на небесах, так и на земле»).

—«Йост, ты что-нибудь понимаешь? Ты ведь второй год в школе».—«Нет... Патерь ностерь—это отче наш, господь, значит, а дальше не знаю. У меня, Фузелин говорит, голова тупая. Чего не понимаю, того и запомнить не могу».

—«Пауль Вурст, повтори!»—«Пар ... нос ... тиф ... тур ... сикут ... секут ...»—«Что ты мелешь? Это же латынь! Наказанье учить таких тупиц! Да, тупая твоя башка, секут и ещё как секут! Эй, Бенцо, подай розги!»

Вот и не успел Пауль начать учение, как узнал, для чего лозой запасались. Эх, сладок плод учения, да горек корень!

А Бенцо утешает: «Это что! Меня однажды за день 15 раз высекли! А вон в монастыре святого Эгидия перед каждым праздником всех секут — виноват, не виноват. Попробовали бы монашеских розог, вам фузелиновы райской кашей показались бы!»

Заполнен город воплями школяров. В школах вопят — под розгами растут, на улицах вопят — подаяние просят. (Почти все ученики — из бедноты; какой же богатый отдаст детей на школьное мучение? Дома учит.) А чем сильнее вопишь, тем скорей подадут — лишь бы вопли под окном прекратить.

Вечерами в каморках Курт мешки осматривает. Что получше—себе берёт. Пауль сунул объедок за пазуху. Не тут-то было. Курт легко, как пустой мешок, опрокинул его вниз головой: «Берегись, все кишки из тебя вытряхну!..

С этого дня моим «стрелком» будешь. Ты щуплый, хилый, тебе больше дадут. Только плачь посильней». Пауль слёзы льёт, клянчит. Курт к себе в мешок добычу перекладывает.

Хоть и вечно голодный, обвыкся Пауль в школе. Память у него хорошая: услышит—запомнит. И Йосту стал помогать. Пригласил его Йост к себе: «У нас столоваться будешь».

За столом мастер Конрад с подмастерьями. Супруга его Адельгейда за Паулем ухаживает: «Ешь, сынок, отощал, христарадничая. И нашего Йоста не оставь». А Йост недоволен: «Эх, освободили бы вы меня, матушка, от этого учения. Лучше бы я с отцом мыло варил...»

Вмешивается сам мастер Конрад: «Ты эти мысли брось, сынок. И прадед твой, и дед мыло варили. Должен же в нашем роду хоть один в священники выйти. Кому почёт и богатство?!»

Перебрались Пауль и Йост в грамматический класс. Получили восковые таблички. На них рукой Фузелина буквы написаны. Буквы надо складывать в слоги, а слоги—в слова. Так за год-другой читать и научишься.

—Глянь, Пауль, мне сегодня Фузелин такое же слово написал, как тебе. Длинное, как гусеница! Давай разделим его пополам: мне начало, тебе конец. А потом сложим.

Вэ-е-ве-эл-вел-и-вели-ка- ... Похоже, великан ...»

—«У-че-уче-эн-учен-и-учени-ка-ученик. Йост, у тебя что получилось?»—«У меня—великан. А у тебя?»—«У меня—ученик. Выходит: великан-ученик».

—«Ну, что ты там прочитал, Йост? Что?! Великан-ученик! Что за чушь! Дай-ка твою табличку. Ве-ли-ко-му-че-ник! Болван!»

Прознал Курт про обеды в доме Йоста, отозвал Пауля: «Вот что, заморыш, если не хочешь, чтобы я из тебя все кишки вытряхнул, стащи кубок серебряный у Конрада. Я тебя с друзьями поджидать буду. От меня не отвертишься!»

Пообедали. Тепло. Уютно. А у Пауля сердце холодеет. Подвёл Йоста к окну: «Куда я теперь? Вон они меня дожидаются...»

А госпожа Адельгейда, не долго думая, подхватила лохань с помоями и — в окно на непрошеных гостей.

Что тут началось! Разбушевалась ватага. Камни в окна полетели. Орут: «Выдайте Пауля! Не то сгноим вас всех в осаде!» Бушуют, не расходятся, хотя завечерело. И не заметили, как чья-то тень позади дома промелькнула...

Вдруг с двух сторон тесной улочки появились дюжие ребята—весь цех мыловаров. Впереди мастер Конрад: «Мыловары, за мной!» Пошли в ход дубинки. Кто ребра не досчитался, пеняй на себя!

Исчез Курт. Как ветром сдуло. Пауль вздохнул облегчённо и взялся за учение. Спасибо Фузелину, дал ему свою грамматику переписать. Ведь и у самого Фузелина книг всего две, и обе от руки переписанные: словарик латинский и грамматика, называемая «Береги зад»...

А время идёт... Перешёл Пауль в арифметический класс. И Йост с ним. То ли Пауль помог, то ли окорока, которые мастер Конрад подносил по праздникам Фузелину.

Заодно с арифметикой преподаёт Фузелин начатки геометрии. Большему в школе святого Кириака не учат. Большего и сам Фузелин не знает.

—«Итак, для чего мы учим арифметику, Йост?»—«Я так думаю, чтобы уметь деньги сосчитать... Вот ещё когда мыло в лавке отвешиваешь, тоже надо уметь считать...»—«Ты думаешь! А надо не думать, а знать! Скажи, Пауль!»

—«Арифметику мы учим для того, чтобы знать, как ничтожно число дней, отведённых господом человеку на земле!»— «Верно, верно! А для чего мы учим геометрию, Йост?»

—«Геометрию? Чтобы землю измерять... На ней постройки возводят. Вот когда новую башню городскую строили, я приметил, мастера там сначала всё обмерили...»

—«Постройки! До чего же ты туп, Йост! Скажи, Пауль!»—«Геометрию мы учим для того, чтобы измерять землю, в которую отойдёт после смерти наше тело!»—«Молодец! Из тебя, Пауль, выйдет добрый монах!»

Призвал Фузелин мастера Конрада, поднёс к лицу его ладонь и ткнул в неё пальцем: «Твоему парню так же школу не кончить, как мне не проткнуть пальцем ладони».—«Парень-то смышлёный...»—«Не всякому дано божественные предметы постигать, мастер Конрад!»

А Пауль дотянул до конца. Куда же дальше? В монастырь? Хоть и лоснятся сытые лица монахов, а не хочет Пауль в монастырь. Слышал он о знаменитом Пражском университете. Медицинский факультет там есть...

—«Прощай, Пауль, не пошли мне в башку божественные премудрости».—«Не горюй, Йост, и мыловаром быть неплохо!» 41

Повернулся Пауль и быстро зашагал. Не заметил бы Йост, как слёзы навернулись на глаза... За плечами котомка, в ней грамматика и словарик, подаренный доброй Адельгейдой. Шагает Пауль по дороге, что ведёт в чешские земли. А там—что будет, то будет. Нелегка она, доля школярская!

Диафильм по истории средних веков для 6 класса сделан по заказу Министерства просвещения СССР

Художественный редактор Г. Равинская

Редактор В. Чернина

Д—314—75

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Цветной